

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.57)+ 94(574)

ББК 63.3(2Рос.Баш)53+63.3(5Каз)53

Основные практики взаимодействия башкирского и казахского народов в этнокультурной сфере (вторая половина XIX — начало XX в.)

Т.М. Аюпов

Алтайский государственный медицинский университет (Барнаул, Россия)

The Main Practices of Interaction of the Bashkir and Kazakh Peoples in the Ethno-cultural Sphere (the Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Century)

Т.М. Ауиров

Altai State Medical University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена усилению культурных взаимосвязей башкир и казахов на рубеже XIX–XX вв. В Казахстане татары и башкиры были российскими первопроходцами, служили главными проводниками духовной и материальной культуры европейского населения. Именно при их деятельном участии началось повсеместное строительство в степи мусульманских культовых учреждений и открытие первых школ. Казахские школы — мектебе — в рассматриваемый период представляли собой преимущественно кочующие маленькие учебные заведения, где обучение вел один грамотный человек — мulla, как правило, приглашенный местным богатеем. Сотни татарских и башкирских студентов старались выезжать в летнее время в казахские степи для обучения детей грамоте. Попутно они собирали лучшие образцы местного фольклора, приобщались к творчеству казахских акынов. Эта ситуация была связана со сравнительно более высоким уровнем грамотности среди башкир. Впоследствии многие из таких учителей оставили заметный след в истории башкирской литературы. Среди них М. Акмулла, М. Гафури, Ш. Бабич, С. Кудаш и другие ее классики, с благодарностью вспоминая данный бесспорно положительный для обеих культур опыт.

Ключевые слова: Башкирия, учащиеся медресе, казахские степи, учительствование, фольклор, обмен культур, воспоминания.

The article is devoted to strengthening of cultural interrelations between the Bashkirs and Kazakhs at the turn of the 19th — 20th centuries. In Kazakhstan Tatars and Bashkirs, the Russian pioneers, served as the main conductors of the spiritual and material culture of the European population. It was with their active participation that the construction of Muslim religious institutions in the steppe began and the first schools were opened. Kazakh schools — mektebe — during the period under review were predominantly nomadic small educational institutions, where the education was performed by one literate person, Mulla, usually invited by the local rich man. So hundreds of Tatar and Bashkir students tried to travel to the Kazakh steppes in the summer to teach children to read and write. Along the way, they collected the best samples of local folklore, joined the creativity of Kazakh folk akyns. This situation resulted from a relatively higher literacy rate among the Bashkirs. Subsequently many of these teachers left a notable mark in the history of Bashkir literature. Among them were M. Akmullah, M. Gafuri, Sh. Babich, S. Kudash and its other classics, who recalled with gratitude this experience, which was undoubtedly positive for both cultures.

Key words: Bashkiria, students of madrasah, Kazakh steppes, teach, folklore, exchange of cultures, memories.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-01

Реализуя свою политику на окраинах империи, российские власти руководствовались определенными стратегиями, которые могли бы позволить добиться более эффективных результатов при минимуме затраченных усилий. Так, через использование услуг не только отдельных лиц, но и привлекая порой целые учреждения, например Оренбургское мусульманское духовное собрание, Российская империя поначалу обеспечила себе надежный канал дипломатической службы. Одновременно происходило формирование политически благонадежных и отчасти профессионально подготовленных местных кадров, готовых влиться в новые структуры управления Степью, обозначить перспективы ее социально-экономического развития и, следовательно, обеспечить быструю обратную связь между центром и периферией. Эта идея хорошо объясняется с помощью *теории «мобильных диаспор»*, суть которой заключается в том, что правительства почти всех империй имели склонность к сотрудничеству с этническими элитами. В результате оказалось, что наиболее выгодными для Российского государства интеллектуальными ресурсами в казахской степи стали татары и башкиры, переносившие на новые территории широкий спектр деятельности: от «указных мулл» до переводчиков и торговцев.

Различных сторон деятельности татарских и башкирских мулл в Степи касались многие современные исследователи: А.П. Ярков [1], Ю.А. Лысенко [2], А.В. Ремнев [3], Г. Султангалиева [4]. Работа Б.Х. Юлдашбаева посвящена вопросу духовного развития башкирской нации в дореволюционный период [5].

Профессор Т. Таджибаев, оценивая историю дореволюционной казахской школы, отмечал: «Мусульманские мектебы и медресе открывались при мечетях. Учителями являлись муллы. Эти школы содержались за счет пожертвований. Определенной платы за обучение не устанавливалось: родители платили мулле деньгами, продуктами питания, скотом и др. Мектебы не имели определенной программы, не определялся даже срок обучения, в мектебах не было никаких классов или отделений. В этих школах детей обычно обучали татарской, казахской грамоте и письму, толкованию Корана и заучиванию духовных стихов» (цит. по: [6, с. 126]). Для открытия таких школ необходимо было особое разрешение, поэтому многие из учителей в них работали нелегально.

Став проводниками российского влияния в казахских кочевьях, татары воспринимали свою миссию как распространение мусульманского вероучения среди отсталого, некультурного населения. Выбор татарского языка как служебного при разрешении богословских и имущественных споров заметно поднял его статус, а также стимулировал выпуск литературы на нем.

В дальнейшем такая установка татарских мулл и патронаж исламу государства вызвали справедливую критику со стороны части российских политиков и ученых. Вот что писал по этому поводу Ч.Ч. Валиханов: «Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская (казахская. — Т.А.) народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств» [7, с. 113]. Оценка эта, на наш взгляд, весьма спорная. Конечно, не во всех мектебах и медресе Казахстана учителями были фанатики и невежды. Окончив мектебе, Валиханов и сам было хорошо знаком с догматикой мусульманского вероучения, а во время учебы в Омске воспринял многое из вестернизированной культуры. Поэтому его пожелания «снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские», полагаем, исходили из субъективных ощущений. Вместе с тем казахский просветитель все же признавал, что «под влиянием татарских мулл ...народность наша все более и более принимает общемусульманский тип» [7, с. 112].

Более толерантными в своей миссионерской деятельности оказались башкиры, так как, по мнению краеведа С.Г. Рыбакова, «...они верные сыны ислама. Однако им чужд религиозный фанатизм, присущий татарам» (цит. по: [1, с. 51]). Близость менталитета башкир и казахов заключалась еще в том, что они вплоть до XVIII–XIX вв. оставались кочевниками. Поэтому у башкир мечети не всегда представляли собой специальное сооружение культа, во время кочевок его функции выполняла обыкновенная юрта, обучение учеников проходило там же. После перехода населения на оседлый образ жизни архитектура и внутреннее убранство башкирских мечетей сохранили аскетическую простоту. «Башкиры менее обнаруживают боязнь за свою религию, чем татары, спокойно рассуждают о своей и русской вере, не обнаруживая ни малейшей склонности возвеличивать свою, считая все веры равными. Они спокойно встретили распоряжение русских властей об обязательности знания русского языка муллами, без опасения за веру отдают своих детей в русские начальные школы», — заключал С.Г. Рыбаков.

К началу XX в. башкиры представляли собой вполне сформировавшийся в этническом и духовном отношении народ, который уже несколько десятилетий развивался по капиталистическому пути.

Интересные сведения о грамотности башкирского населения дает Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Ее данные показывают, что процент грамотности у башкир к началу XX в. был не ниже общероссийского среднего уровня — 17,5%. Он почти одинаков с процентом грамотности среди местного русского населения (17,9) и намного выше, чем грамотность у других народов, населяв-

ших Башкирию (10,7), еще выше, чем у народностей отдаленных национальных окраин, в частности, Казахстана и Средней Азии [5, с. 225–226].

Долгое время просвещение среди башкир осуществлялось в форме религиозного обучения в контролируемых духовенством мектебе и медресе — конфессиональных школах. До 80-х гг. XIX в. учебные заведения всех российских мусульман назывались, как и у арабов, только *медресе*. Название *мектебе* возникло вместе с «новометодным» обучением — на манер турецких школ. Название «мектебе» к началу XX в. у российских мусульман закрепилось по преимуществу за начальными школами, а «медресе» сохранилось за школами выше начальных. Джадидистская реформа мусульманско-национальных школ была вызвана назревшими экономическими и духовными запросами башкирской, татарской и других наций, прежде всего нуждами их молодой национальной буржуазии. Давая высшее богословское образование, медресе в то же время являлись современными учебными заведениями, с преподаванием многих естественных наук, а также алгебры, геометрии, русского языка, истории, географии, черчения, гигиены и педагогики.

«Новометодные» мектебе и медресе Башкирии стали настоящими очагами просвещения среди коренной национальности края и выращивали татаро-башкирскую национальную интеллигенцию, которая способствовала духовному формированию и развитию своей нации, совершенствованию ее этнического самосознания и национальной культуры, а также усилению ее межнациональных связей.

Так, значительное влияние на развитие казахской литературы оказал известный башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Камалетдинов (1831–1895), получивший прозвище *Акмулла*, что означает «светлый, праведный учитель». Скитаясь среди башкир и казахов, он учил детей, занимался различными ремеслами, принимал участие в айтысах — состязаниях акынов, сам прославился как талантливый поэт-импровизатор [8, с. 134]. Акмулла проповедовал просветительские идеи: утверждал извечное стремление человека к знаниям, прогрессу, прославлял разум, справедливость, гуманизм.

Творчество поэта, родившегося в башкирской семье, учившегося в татарском медресе и начавшего свою литературную деятельность среди казахов, впитало в себя все особенности философского видения мира этих трех народов. Впоследствии не одно поколение казахских акынов хранило в своей памяти его стихи.

Неоднократно участвовал в айтысах с казахскими акынами один из классиков башкирской и татарской литератур Мажит Гафури, обучавший местных детей у Орынтая-хаджи в 15 верстах от Троицка. В своей автобиографии Гафури писал: «Меткая речь степня-

ков, их приверженность к песне и стихосложению, их кочевой образ жизни — все это произвело на меня большое трогательное впечатление» [9, с. 88].

В летние месяцы 1910 и 1913 гг. среди казахов учительствовал другой известный башкирский поэт — Шайхзада Бабич. Он жил в ауле Дусенбай, близ Тургая, у казаха по имени Муртаза и учил сельских детей. Влюбленного в произведения башкирского фольклора пятнадцатилетнего юношу сразу же зачаровало устное народное творчество казахского народа [8, с. 155]. С большим интересом Ш. Бабич слушал состязания акынов, заносил в свою тетрадь их остроумные и мудрые слова и выражения.

Учителяствуя в казахских аулах, много героических сказаний записал у казахских акынов башкирский сказитель-сэсэн Сабирьян Мухаметкулов [10, с. 419], известный еще как Сабирьян-хальфа.

С весны 1913 до осени 1915 г., вплоть до поступления в уфимское медресе «Галия», скитался по казахской степи выдающийся башкирский поэт и прозаик Сайфи Кудаш. Нанимался в батраки, работал учителем в Кустанае. Примером для него послужили его знакомые. Первый — учитель частной школы в его родной деревне Кляшево — Харис Утягулов, у которого он получил начальные знания. Тот в свое время учился зимой в медресе, а летом зарабатывал деньги на учебу, учителяствуя у казахов. Второй — выходец из Троицка, шакирд медресе Гаффан Сафаров — тоже несколько лет учителяствовал в казахских степях [11, с. 35–36]. С ним С. Кудаш познакомился в марте 1913 г.

Практика, когда учащиеся сами зарабатывали на свое обучение, действительно была широко распространена в башкирской среде. Поэтому, когда шакирдов из медресе отпускали на каникулы, те ездили по летним кочевьям казахов.

Иногда подобная практика приобретала массовый характер. В 1907 г. шакирды медресе «Расулия» Троицка, возмущенные плохой организацией учебного процесса и антисанитарией, выставили свои требования. Не добившись их удовлетворения, 40 учащихся покинули стены медресе и уехали учителяствовать в казахские степи [12, с. 6].

В числе этих учителей был будущий активный участник башкирского национального движения и член Башкирского правительства Нуриагзам Тагиров. В Казахстане он пребывал до осени 1908 г. Скопив так немного денег, продолжил учиться в знаменитом медресе «Галия». Впоследствии Н. Тагиров опубликовал ряд работ по башкирскому языку, выпустил «Словарь башкирского языка», составленный на основе народного разговорного материала; стал соавтором первой грамматики башкирского языка.

Известно, что в молодости среди казахов учителяствовали и другие башкирские литераторы и журналисты [10], например поэт Шафик Аминев-Тамьяни.

Среди казахов Кубдинской волости Тургайской области преподавал башкирский фольклорист Г.Ф. Вильданов. После окончания русско-татарского училища в Троицке в 1913 г. в казахских деревнях близ Петропавловска учительствовал башкирский писатель Ямалетдин Юмаев. В это же время в казахских аулах учительствовал башкирский поэт и общественный деятель Тухват Янаби. В 1910–1918 гг. преподавателем мусульманских учебных заведений Кустаная, Кокчетавы, Джамбитинска Уральской губернии работал башкирский религиозный деятель Шакир Хиялетдинов. К сожалению, многие из них оказались репрессированными в ходе усиления тоталитарного режима.

Росту и упрочнению культурных взаимосвязей казахского и башкирского народов способствовало и то, что в дореволюционный период многие казахские юноши учились в учебных заведениях на территории Башкирии, книги казахских писателей издавались в Уфе.

В докладной записке управляющего земским делом по делопроизводству о киргизах Министерства внутренних дел от 18 ноября 1885 г. отмечается: «...в г. Стерлитамаке Уфимской губернии и в 50 верстах от города в селении Стерлибаш находится более 100 училищ при мечетях, так называемые медресе, в которых многие киргизы Уральской области обучаются татарско-арабской грамоте и корану весьма продолжительное время, иногда более 10 лет» [13, с. 386].

Вместе с упомянутым выше С. Кудашем в медресе «Галия» учились казахи Б. Майлин, Н. Манаев, Дж. Тлебергенов [11, с. 55]. Казахские шакирды дружили с татарскими и башкирскими собратьями, рассказывали им о красотах родного края, также приглашали своих друзей потрудиться на ниве родного просвещения.

Сотни татарских и башкирских шакирдов, приезжая летом в степь, обучали детей казахов по учебникам на татарском языке. Но для эффективности обучения нужны были учебники на родном языке. Один из идеологов национального движения среди казахов А. Байтурсынов проделал большую работу в этом плане: составил для казахских начальных школ несколько учебных пособий по арифметике, языку и чтению. Они сразу же были с радостью приняты казахскими педагогами. Эти учебники были рождены требованиями самой жизни и по своим достоинствам превосходили имевшиеся до той поры пособия на казахском языке. Однако некоторые татарские учителя пренебрегали новыми учебниками и продолжали обучать казахов по-татарски. Группа казахских шакирдов медресе «Галия» подняла этот важнейший вопрос на страницах газеты «Казах». Печатный же орган татарской либеральной буржуазии — газета «Вақыт» — выступила против требований казахской молодежи. Это обстоятельство по-

служило поводом для приезда самого Байтурсынова в Уфу, где он собрал всех казахских шакирдов для беседы о проблемах, волновавших их [11, с. 64–65]. Он также встретился с М. Гафури, который отнесся к нему с большим пониманием.

Поднятая в национальной печати проблема обучения казахов на родном языке гораздо раньше взволновала российского востоковеда В.В. Григорьева. Будучи в течение десяти лет председателем Оренбургской пограничной комиссии он добился того, чтобы в открытой при ней семилетней русско-гуземной школе казахская речь звучала наравне с русской. До этого казахских мальчиков с первого класса приучали говорить по-татарски, потому что местные власти поверили чиновникам из татар, что между казахским и татарским языком нет никакого различия. В Оренбурге в одно время считалось даже хорошим тоном, если казах хорошо владел татарским языком [14, с. 157].

Проблема расширения сферы применения родного языка была в полной мере актуальна и для башкирской интеллигенции. Еще в конце XIX в. были сделаны попытки по созданию башкирской письменности, но они не увенчались успехом. После Октябрьской революции некоторые поэты (Ш. Бабич, С. Якшигулов и др.) стали публиковать стихи на башкирском языке с использованием арабской графики. Правда, на первых порах каждый писал на том диалекте, на каком разговаривал, и по-своему обозначал специфические звуки. И только после обретения Башкирией государственности встала неотложная задача создания национальной письменности на научной основе. В результате конкретных мер начиная с 1923 г. на башкирском языке стали издаваться учебники и художественные произведения.

Башкирские писатели, молодые годы которых прошли в степях Казахстана, в своих произведениях автобиографического характера ярко отображали своеобразную дореволюционную жизнь казахов, с благодарностью писали о том, как казахские скотоводы с глубокой симпатией относились к бедным башкирским парням, попавшим в поисках заработка в этот край (повесть А. Тагирова «Обездоленные», поэма Т. Янаби «Извилистые пути» и др.). Широта души и гостеприимство казахов, их отзывчивость и сочувствие странствующим в поисках лучшей доли башкирским шакирдам изображаются также в повести М. Гафури «На золотых приисках поэта» [15, с. 91]. И Гафури, и Тагиров, и Янаби при изображении соседнего народа особо подчеркивают их человечность, любовь к музыке и песням.

В ряде глав мемуарной книги С. Кудаша «Незабываемые минуты» живо изображены картины дооктябрьского Казахстана, показано стремление казахских масс к знаниям, их сердечное отношение к башкирскому шакирду, приехавшему сюда учить

детей. Книга народного поэта Башкирии проникнута любовью к творчеству акынов и фольклору казахского народа. В начале 60-х гг. XX в. С. Кудаш, совершив путешествие по Казахстану, где ему в свое время довелось учительствовать, написал книгу воспоминаний «По следам юности» [10, с. 352], ее он целиком посвятил Казахстану. Воспоминания о дореволюционной жизни края писатель перемежает с изображением современной действительности республики. Поэт особенно разносторонне характеризует своего друга по уфимскому медресе «Галия» Беимбета Майлина. С ним С. Кудаш познакомился еще в Кустанае и побывал в гостях в его ауле [11, с. 55].

В 30-е гг. XX в. образы просвещенных башкир создавались и в казахской литературе. Так, в романе И. Жансугерова «Товарищи», изображающем социальные противоречия в дореволюционном Казахстане, отведено большое место образу учителя Фазыла Жиянгильдина, который приехал сюда из Белебеевского уезда Башкирии [15, с. 154].

Обновление в степном краю писатель показывает в тесной связи с деятельностью этого персонажа. Автор, изображая своего героя в одном ряду с такими представителями казахского народа, как певцы-импровизаторы Жумалы, Сатан и другие, раскрывает дружеские взаимоотношения между трудящимися разных национальностей. Простые люди, стремящиеся к новому, встречают учителя-башкира с радостью, одобряют каждый его шаг на пути к прогрессу.

Таким образом, в начале XX в. почти не было молодого башкирского литератора, который бы не прошел суровую школу жизни на просторах Казахстана. Они, работая там учителями, несли первые научные знания, одновременно сами впитывали сокровища народного творчества казахов, знакомясь с поэзией Абая и других акынов. Выпускники же таких «новометодных» школ всегда помнили о своих первых наставниках на пути к просвещению. Тем самым укреплялись традиционные связи казахов с башкирской культурой и литературой в важный период их духовного становления.

Библиографический список

1. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири : в 3 т. — Т. 3: Трансформация уммы в XIX–XX вв. / А.П. Ярков, И.Б. Гарифуллин и др. — М., 2015.
2. Лысенко Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII — начало XX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2010. — № 4/3.
3. Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. — 2006. — № 4.
4. Султангалиева Г. «Татарская» диаспора и конфессиональные связи казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. — 2000. — № 4.
5. Юлдашбаев Б.Х. Из истории духовного формирования башкирской нации до Октябрьской революции // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Ученые записки. — Вып. 35. — Серия Исторические науки. — № 7. — Уфа, 1968.
6. Краснобаева Н.Л. Уровень грамотности населения Казахстана в конце XIX — первой половине XX в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур : материалы III Межд. научно-практич. конф. / под ред. В.С. Бойко. — Барнаул, 2001.
7. Валиханов Ч. Смерть Кукотай хана. Статьи и заметки. — Семипалатинск, 2001.
8. История и культура Башкортостана : хрестоматия. — Уфа, 2008.
9. Мамытов С.А. Кыргызско-татарские литературные связи второй половины XIX–XX веков. — Бишкек, 1999.
10. Башкортостан : краткая энциклопедия. — Уфа, 1996.
11. Кудаш С. Незабываемые минуты : воспоминания. — М., 1964.
12. Тагиров Т. Суровая проза жизни : воспоминания. — Уфа, 2004.
13. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : документы и извлечения. — Барнаул, 2014.
14. Анов Н. Ак-Мечеть : исторический роман. 5-е изд. — Алма-Ата, 1965.
15. Сафуанов С.Г. Межнациональные связи башкирской литературы. — М., 1979.